

М. П. ЧЕРЕДНИКОВА

Древнерусские источники повести Н. С. Лескова «Очарованный странник»

Вопрос о древнерусских источниках произведений Н. С. Лескова не раз привлекал внимание исследователей. В частности, есть специальные работы, посвященные анализу лесковских легенд, написанных по сюжетам Пролога.¹ До сих пор считалось, что обработкой легенд из Пролога Лесков впервые занялся в 80-е годы, в то самое время, когда Л. Н. Толстой использовал этот древний источник для своих народных рассказов. Однако анализ повести «Очарованный странник» доказывает, что Лесков обратился к Прологу значительно раньше. Используя сюжетную канву патериковых легенд из Пролога, Лесков создает легенду о попике и митрополите Филарете, события которой истолкованы в духе народных легенд.

Никто из современников, читавших повесть, не обнаружил источника «дивной истории» о попике-зацивашке, и сам писатель на него никогда не указывал. Это было сознательное умолчание. Известно, что духовная цензура настороженно встречала переделки произведений церковно-учительской литературы. Красноречивым свидетельством цензурной «опеки» является, например, письмо К. П. Победоносцева Е. М. Феоктистову от 28 мая 1888 г.: «В „Новом времени“ появилось известие, что Н. С. Лесков готовит к печати целую книгу рассказов, обделанных им из „Пролога“. Опасаюсь, как бы тут не было кривляний по книге, имеющей церковное значение. Прикажете — не признаете ли нужным? — присмотреть за этим кому следует».² Феоктистов незамедлительно ответил: «Относительно книги Лескова будьте спокойны. Приняты меры».³ Вполне понятно в связи с этим, что Лесков не хотел привлекать к повести «Очарованный странник» излишнее внимание цензоров из святейшего Синода и поэтому нигде не сослался на авторитетный религиозный источник.

В одном из своих писем Лесков писал: «О значении прологов надо бы сказать потверже. Пролога — не священная и даже не церковная книга, а отреченная, так сказать „отставная“. Притом там не все говорится о подвижниках, а часто подвижники говорят о „прилогах“, то есть о случаях, им известных, по-нашему — рассказывают друг другу анекдоты» (XI,

¹ См., например: В. Ю. Т р о и ц к и й. О художественном своеобразии легенд Н. С. Лескова, написанных по материалам Пролога. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1964, № 213; Н. Г. М и х а й л о в а. Творчество Лескова в связи с некоторыми образами народного эпоса. — Вестн. МГУ, 1966, Сер. X. Филология, № 3; М. П. Ч е р е д н и к о в а. Об источниках легенды Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон». — В кн.: Русский фольклор, т. XIII. Русская народная проза. Л., 1972.

² Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову. — Лит. наследство, 1935, № 22—24, с. 534.

³ Там же.

451).⁴ Таким образом, Пролог интересен Лескову прежде всего тем, что это книга «отставная» и в ней отразились неканонические представления людей о вере. Иначе, чем Лесков, смотрел на этот источник Л. Н. Толстой, который писал о чтении Четьи Миней и Пролога: «Исключая чудеса, смотря на них как на фабулу, выражающую мысль, чтение это открывало мне смысл жизни». ⁵ Ссылаясь в своих письмах на ту или иную легенду из Пролога, Толстой, как правило, подчеркивает аллегорический смысл древнего сюжета.⁶ Не случайно из лесковских легенд Толстому больше всего правилась «Прекрасная Аза» — легенда, в которой Лесков сознательно не отступил от источников, так как намеревался поместить ее в обозрении «под числом», когда о ней читается в Прологе.⁷

В высказываниях Лескова нет и тени того благоговения, которое характерно для толстовских упоминаний о Прологе. «Я с удовольствием говорю, что сделал дело трудное и полезное для литературы, — пишет Лесков А. С. Суворину. — Пролог — хлам, но в этом хламе есть картины, каких не выдумаешь. Я их покажу все, и другому в Прологе ничего искать не останется» (XI, 362). В отличие от Толстого, Лесков находил в Прологе не «знание веры» и «истину», а великолепный источник «картин», т. е. сюжетов, которые с успехом могли быть использованы в новейшей литературе. С точки зрения Лескова, именно «фабула» проложных легенд («прилоги») и представляет наибольший интерес. «Какие есть сюжеты в благочестивых византийских сказаниях!» — с восторгом пишет он в одном из своих писем (XI, 338). По свидетельству Лескова, Толстой после чтения его легенд говорил: «„Зачем очень хорошо написано? Это заставляет обращать внимание на художество, красоту и закрывает суть“ (т. е. дело)».⁸

Лесков убежден в обратном: он считает, что сами по себе «прилоги» в изложении, соответствующем оригиналу, вовсе не имеют смысла. «Тема Пролога, — пишет он, — не обязательна к точному ее воспроизведению. Тема как тема, а я могу из нее сделать, что нахожу возможным. Иначе на что бы ее и переделывать, а надо бы брать ее просто и перепечатывать... И вышло бы просто и глупо, как сам Пролог» (XI, 517). По поводу критиков, упрекавших его в фальсификации древнерусского первоисточника, Лесков писал В. А. Гольцеву: «Эти господа все не хотят понять, что мы совсем не желаем поддерживать их православие и воспроизводить отреченные сказания во всей их бессмысленной точности».⁹ Старинная легенда, как правило, давала толчок творческому воображению писателя, и на основе древнерусского сюжета создавалось новое оригинальное произведение, приобретавшее под пером Лескова актуальность и злободневность. Так была написана и «дивная история» «Очарованного странника». Мы попытаемся проследить, каков характер переосмысления древнерусского первоисточника в легенде о попе и митрополите Филарете.

История попика-запивашки — единственный фрагмент в повести, не затрагивающий событий, так или иначе связанных с биографией героя-рассказчика. Эта история предшествует рассказу Ивана Северьяныча

⁴ Все цитаты из произведений Лескова даны по изданию: Н. С. Л е с к о в. Собр. соч. в 11-ти тт. М., 1956—1968 (далее в скобках римской цифрой — тома, арабской — страницы).

⁵ Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., серия I, т. 23. М., 1956, с. 52.

⁶ См., например: Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., серия II, т. 65. М., 1953, с. 111; т. 66. М., 1953, с. 182.

⁷ Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927, с. 69.

⁸ Там же.

⁹ Н. С. Л е с к о в. Письмо В. А. Гольцеву от 19 октября 1893 года. — В кн.: Памяти Виктора Александровича Гольцева. Под ред. А. А. Кизеветтера. М., 1910, с. 251.

Флягина о его нелегкой жизни. Поводом для первого рассказа Ивана Северьяныча послужил разговор его случайных спутников о самоубийствах. Это любимая Лесковым «форма рассказа о том, что „было“, приводимое „кстати“ (à propos)» (XI, 569). Когда один из собеседников с уверенностью сказал, что самоубийцы «целый век будут мучиться. За них даже и молиться никто не может» (IV, 386), молчавший до сих пор герой возразил ему: «Есть такой человек, который все их положение самым легким манером очень просто может поправить» (IV, 387). По просьбе всех присутствующих Иван Северьяныч рассказывает «дивную историю». Митрополиту Филарету было написано «донесение» на некоего попика московской епархии. «Один благочинный» писал, что «этот попик ужасная пьяница, — пьет вино и в приходе не годится» (IV, 388). Митрополит, вызвав попика в Москву, решил, что быть ему за его пьянство «без места» (IV, 388). Участь попика-пьяницы была бы решена, если бы не чудесное вмешательство святого Сергия. В центре рассказа — явление святого Сергия спящему митрополиту Филарету. Сергий повелевает «явить милость» наказанному попикку.

Все основные мотивы, составляющие этот рассказ (донос на какого-то священника вышестоящему духовному лицу, вызов обвиняемого в центр епархии с последующим наказанием, явление святого или ангела, приходящего на помощь наказанному), почти в точности воспроизводит сюжетную схему патериковых легенд о невинно оклеветанных иереях. В состав Пролога вошли две таких легенды. В записной книжке Лескова, хранящейся в ЦГАЛИ, выписано название одной из них.¹⁰

В легенде Пролога от 8 декабря рассказывается о том, как «некий поп оболган бысть к епископу. И, не испытав о нем епископ, послав его от села, и предаде ѱ в темницу». «В нощи явился» ангел и вывел затворника из темницы, чтобы оклеветанный пресвитер смог совершить литургию в своей церкви. На вторую ночь ангел снова привел попа к месту заточения «и посади ѱ в темнице, не ведущу темничному стражу». Узнавший о случившемся епископ «ужасся» и «отпусти попа с миром, и много казни обидившаго ѱ». В этой легенде наказанный поп — оклеветанный праведник. Вмешательство ангела помогает установить ложность доноса и восстанавливает справедливость.

В другой легенде («Слово об епископе, оболганном к папе римскому» — Пролог, 8 января) некто написал донос «к блаженному папе римску» на епископа града Румула, «яко на блюде священие есть». На основании этого доноса епископ был приведен в Рим и посажен в темницу. Однажды папа «виде в сне некого глаголюща к нему, яко в сию неделю не проскумисаи». «Некто» приказывает, чтобы папа поручил сотворить проскомидию заключенному в темницу епископу. Папа сомневается в «духоводительности» видения: «. . . возбнув же папа, недоумяше в сне, его же видя, глаголя в себе: „Такову клевету слышах о нем, то сему ли е проскумисати?“». Голос, повелевающий поручить совершение службы на святой неделе наказанному епископу, повторяется трижды. Только после этого папа следует повелению. Во время совершения проскомидии оболганный епископ просит отступить от алтаря оклеветавшего его дьякона, «яко не видех по обычаю святого духа пришествия». Папа повелевает исполнить волю епископа, и тогда все присутствующие на литургии священники видят, как сама по себе поднимается алтарная завеса и «покры папу и епископа и вся диаконы». Так доказывается праведность оклеветанного епископа.

¹⁰ Янв. 8. Слово об епископе, оболганном пред папою. — ЦГАЛИ, архив Н. С. Лескова, ф. 275, оп. 1, № 113. Записная книжка № 4, л. 5.

Таким образом, сюжет «дивной истории», рассказанной лесковским героем, предельно близок сюжету патериковых легенд о невинно оклеветанных иереях. Однако традиционные мотивы получают в рассказе Ивана Северьяныча своеобразное и далеко не традиционное толкование.

«Донесение» митрополиту Филарету в легенде о попике-запывашке формально справедливо. Греховность попика первоначально не подвергается сомнению. Филарет в отличие от епископа патериковой легенды сам убеждается в виновности «слабого» иерея. Лесковский герой так рассказывает об этом: «Владыко<...> посмотрели на него и видят, что действительно этот попик запывашка» (IV, 388). Явление святого Сергия, защищающего пьяницу, вызывает у митрополита сомнение. Владыка, так же как папа патериковой легенды, не знает, «к чему это причесть: простой это сон, или мечтание, или духоводительное видение?» (IV, 388—389). Он тоже принимает видение за простой сон, так как не может поверить, что св. Сергий счел нужным вступить за жалкого пьянчужку. В соответствии с легендой Пролога об оболганном епископе владыке дается новое видение, подвергающее его в большое смятение: «... грохот... такой страшный грохот, что ничем его невозможно выразить... Скачут... числа им нет, сколько рыцарей... несутся, все в зеленом убранстве, латы и перья, и кони, что львы, вороны, а впереди их горделивый стратопедарх в таком же уборе, и куда помахнет темным знаменем, туда все и скачут, и на знамени змей. Владыко не знают к чему этот поезд, а оный горделивец командует: „Терзайте, — говорит, — их: теперь нет их молитвенника“, — и проскакал мимо; а за сим стратопедархом — его воины, а за ними, как стая весенних гусей тощих, потянулись скучные тени, и все кивают владыке грустно и жалостно, и все сквозь плач тихо стонут: „Отпусти его! — он один за нас молится“» (IV, 389). Так в рассказ Ивана Северьяныча вводится один из древних житийных мотивов — борьба бесов за души грешников.

Бесы, обступающие грешную душу, изображаются в житиях и патериках страшным воинством. Они появляются «топот велик творяше». Рядом с «множеством эфиоп» — сам сатана, наводящий ужас на несчастного грешника, «нечистый демон, имея очи яко дивовы, страх творяше зрящему на него» (Пролог, 15 октября). Иногда грешника спасает предсмертное раскаяние и слезная молитва, обращенная к богу.¹¹

В таком случае бесы оказываются бессильными, а ангелы торжествуют и славят праведный и милосердный божий суд. Когда прегрешения умерших особенно тяжелы, спасти грешные души может только заступничество какого-нибудь святого. Он обращается с молитвой к богу и просит помиловать несчастного. Например, Андрей не только молит господя о снисхождении к грешнику, но и «плакася горько, донележе немочи нача, яко от плача многа опухли беста ему очи» (Пролог, 15 октября).

Смысл видения в рассказе Ивана Северьяныча становится понятным тогда, когда провинившийся попик признается митрополиту в том, что он молится «за без покаяния скончавшихся и руки на ся наложивших» (IV, 389). Он и есть тот заступник, который доброй своей молитвой спасает души грешников. Причину своей необычной молитвы поп объясняет собственной душевной слабостью и греховной мыслью «жизни себя лишить» (IV, 389). «Ну, тут владыко и поняли, что то за тени пред ним в видении, как тощие гуси,плыли, и не восхотели радовать тех демонов, что впереди их спешили с губительством, и благословили попика: „Ступай, — изволили сказать, — и к тому не согрешай, а за кого молился — молись»

¹¹ См., например, «Слово святого отца Нифонта, како в последнем издыхании покаянием и слезами и милостынею угодити богу» (Пролог, 29 октября).

(IV, 389). Интересно, что лесковский попик обращается со своей молитвой к богу во время святой проскомидии, т. е. во время той же службы, при совершении которой было доказано праведничество обогланного епископа в патериковой легенде.

Поп и епископ в легендах Пролога — безгрешные праведники. Обвинения, которые против них выдвигаются, — ложь и клевета. Смысл легенд — в разоблачении лжи и наказании клеветников. В отличие от героев патериковых легенд московский попик никем не оклеветан. Он действительно «ужасная пьяница», и сам сознает свой грех. Более того, «слабость душевную имея», попик-запывашка приходит к греховной мысли «жизни себя лишить». Таким образом, герой рассказа Ивана Северьяныча грешен вдвойне. Церковно-дидактические поучения из века в век повторяли: «Пианицы царства небесного не наследят». Согласно с традициями церковной литературы, человек, повинный в пьянстве, тем более священник, должен быть наказан. С этой точки зрения, решение митрополита Филарета вполне справедливо. Однако в истории, рассказанной Иваном Северьянычем, выражается представление о греховности и праведничестве, прямо противоположное церковному канону. Праведником в лесковской легенде оказывается «прегорчающий пьяница» — несчастный и жалкий попик. В связи с этим для нас интересен тот факт, что в Прологе есть апокрифическая легенда, герой которой (в том же противоречии с церковным канонem) — пьяница, ставший святым. Доказательством того, что эта легенда могла послужить косвенным источником «дивной истории», является тот факт, что Лесков при работе над Прологом обратил на нее особое внимание, выписав ее название в свою записную книжку.¹²

Герой легенды жил во времена царя Диоклетиана и был рабом некоей римлянки. Звали его Вонифатий. «Бяше же и пианица, но милостив бе и страннoлюбив» (Пролог, 19 декабря). Однажды госпожа приказала ему отправиться на Восток и принести ей мощи святых, «да има мы сих на помощь и на спасение душевное. Вонифатий же, засмеявсь, рече: „Да аще принесут мое тело, примешь ли е?“». Она же возмевшись и пианицу того нарекши». Римлянка этой легенды реагирует на слова своего раба в соответствии с догматическими представлениями о том, что пьяница не может стать святым. Однако Вонифатий, попав к язычникам, добровольно открывается им, как это делали многие первохристиане. Он подвергается страшным мучениям и погибает. Кончается легенда тем, что госпоже Вонифатия вместо мощей святых приносят его тело, и она строит церковь во имя нового святого — мученика Вонифатия.

Другим косвенным источником лесковской легенды о попике-запывашке могла быть и «Повесть о бражнике», герой которой тоже повинен в пьянстве.¹³ В повести XVII в., также в противоречии с известными традициями церковной литературы, бражник удостоивается «царства небесного». В связи с анализом «Очарованного странника» для нас особенно важно то, что святые, с которым разговаривает «бражник», гонят его от врат рая, считая, что он недостойн стоять рядом с ними. Но герой древнерусской сатирической повести доказывает, что его грех ничтожен по сравнению с грехами самих канонизированных праведников.

В лесковской повести попика-пьяницу осуждает и наказывает митрополит Филарет, из-за которого «запывашка» остался без места. Наказан-

¹² Дек. 19. Вонифатий-пьяница. — ЦГАЛИ, арх. Н. С. Лескова, ф. 275, оп. 1, № 113. Записная книжка № 4, л. 4.

¹³ Текст «Повести о бражнике» см. в кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Подгот. текстов и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, с. 107—109.

ного попа мучает мысль о том, что он лишил свою семью средств к существованию. Доброта грешного попа с его тайной молитвой за самоубийц противопоставляется официальному благочестию Филарета Дроздова. Не случайно на вопрос митрополита: «Что же твоей чистоте угодно от моего недостойнства?» — Сергей отвечает: «Милости хочу» (IV, 388). Ответ Сергея в лесковской легенде — неполная библейская цитата: «Милости хочу, а не жертвы» (Кн. Осии, VI, 6). Эту цитату произносит Христос, когда фарисеи упрекают его в том, что он ест и пьет с мытарями и грешниками (Матф., IX, 13). Показное благочестие Филарета так же далеко от истинного милосердия, как внешнее благочестие евангельских фарисеев и «святых отцов» из «Повести о бражнике». В связи с этим традиционный агиографический и патериковый мотив сомнения в святости видения приобретает новый смысл. Иван Северьяныч так рассказывает о реакции «его высокопреосвященства» на первое видение: «И стали они размышлять и, как муж ума во всем свете именитого, находят, что это простой сон, потому что статочное ли дело, что святой Сергей, постного и доброго, строгого жития блюститель, ходатайствовал об иерее слабом, творящем житие с небрежением» (IV, 389). Возвышенность книжной церковной лексики в этой части рассказа переходит в плоскость иронического осмысления, а потому и весь рассказ пронизан скрытой иронией над «мужем ума во всем свете именитого», который в конечном итоге посрамлен великодушием «иерея слабого, творящего житие с небрежением». Недаром именно это место вызвало особое неудовольствие Каткова, который считал, что печатать повесть «неудобно» прежде всего из-за эпизода о Филарете и св. Сергии.¹⁴

Образ владыки Филарета, «великий дух» которого повергнут в смятение божественным видением, невольно ассоциировался в памяти читателя с реальной фигурой Филарета Дроздова, прославившегося мракобесием и жестокостью. Про него в Москве сложилась поговорка: «Владыка за трапезой пескарика скушает, а целым попом закусывает».¹⁵ Слова «муж ума во всем свете именитого» не могли не вызвать иронической улыбки при воспоминании о деяниях «лихой памяти митрополита Филарета» (XI, 584).

В известной статье «Жития как литературный источник» Лесков с восхищением писал об обработке старинных сказаний Флобером в «Иродиаде» и в «Искушениях святого Антония»: «Это буквально был вспрыск свежей струи из-под седого, мхом обросшего камня. Одни сравнения Иоанна с придворными проповедниками нашего времени как ожгли глаза всем, кто захотел в это всмотреться».¹⁶ Такого рода сравнения возникали и при чтении лесковских легенд из Пролога. Недаром они «жгли глаза» цензорам из Синода, которые предпочитали их «к напечатанию не дозволять».¹⁷ В архиве Лескова (ЦГАЛИ) хранится доклад цензора духовного цензурного комитета Свитковского от 30 апреля 1886 г. В докладе речь идет о «Повести о богоугодном дровосеке» Лескова и «Сказании о гордом Агее» Гаршина. Авторам вменяется в вину то, что в их переделках «невежественный мужик, занятый своим трудом, выставляется человеком, стоящим ближе к богу, чем какой-нибудь епископ или царь».¹⁸ В заключение цензор пишет: «Так как оба рассказа Лескова и Гаршина в отдельном

¹⁴ А. Н. Л е с к о в. Жизнь Николая Лескова по его личным и семейным памяткам и запискам. М., 1956, с. 296.

¹⁵ С. У м а н е ц. Мозаика. — Ист. вестн., СПб., 1912, декабрь, с. 1054.

¹⁶ Н. С. Л е с к о в. Жития как литературный источник. — Новое время, СПб., 1882, № 2323, 17 августа.

¹⁷ ЦГАЛИ, арх. Н. С. Лескова, ф. 275, оп. 1, № 340, л. 18.

¹⁸ Там же.

издании составят едва несколько страниц, то ясно, что как по содержанию, так и по объему своему они назначены для обращения между простым народом. В этой малообразованной среде содержание их может быть, без всякого сомнения, понято и истолковано в ущерб значению как царской власти, так и церковной иерархии и питать мысли, клонящиеся к унижению их достоинства».¹⁹

Таким образом, Катков проявил достаточную «дальновидность», самостоятельно, без предупреждения Победоносцева поняв «опасную» тенденциозность легенды о попике-запывашке и митрополите Филарете. В первом рассказе героя повести «Очарованный странник» выразилось недвусмысленное отношение Лескова к известному церковному иерарху. Вместе с тем по заключительной фразе этого рассказа можно судить и о том, как оценивает события «дивной истории» сам рассказчик: «Этакий человек (имеется в виду попик-пьяница, — М. Ч.) всегда таковым людям, что жизни борения не переносят, может быть полезен, ибо он уже от дерзости своего призвания не отступит и все будет за них создателю докучать, и тот должен будет их простить» (IV, 389). Этот вывод удивляет слушателей, и поэтому Ивану Северьянычу сразу задают вопрос: «Почему же „должен“?».²⁰ Ответ рассказчика еще в большей степени проясняет его отношение к лицам и событиям необычной истории. Свое толкование рассказа лесковский герой объясняет таким образом: «А потому что „толцуете“, ведь это от него же самого повелено, так ведь уже это не переменится же-с» (IV, 390).

В доказательство своей правоты Иван Северьяныч ссылается на евангельский текст, напоминая слушателям цитату из нагорной проповеди Христа: «Толцуйте и отверзется вам, просите и дастся вам, ищите и обрящете» (Матф., VII, 7, 8). В понимании этого текста Иваном Северьянычем выражается наивная народная вера в милосердного бога, который не оставит без ответа просьбу самого последнего грешника за несчастных братьев своих и «должен будет их простить».

По народным представлениям, которые нашли свое выражение в многочисленных легендах о святых, грешнику открывается путь к праведничеству, если он, отказавшись от своих эгоистических побуждений, посвящает себя служению людям. Действенная помощь ближнему, сострадание и участие рассматриваются в народных легендах как служение богу. Согласно с этими представлениями, грешный попик-запывашка из рассказа Ивана Северьяныча становится праведным, как только находит выход из своего несчастья в готовности помочь страдальцам, взявшим на душу смертный грех самоубийства. Его тайная молитва ставит его в один ряд со святыми, голоса которых доходят до слуха господина. Так же, как Христос отвечает милосердием на мольбы Богородицы и святых в известной апокрифической легенде «Хождение Богородицы по мукам», так, по мнению Ивана Северьяныча, бог должен будет ответить прощением самоубийц и на молитвы попика из московской епархии. Московский священник не просто молится за грешников, но в этих молитвах находит свое призвание и даже не страшится «докучать» создателю, как это делает в упомянутой легенде Богоматерь, к повторным молитвам которой присоединяются ангелы и святые. Так в первом рассказе героя выражается своеобразный символ веры очарованного странника — его понимание милосердия и праведничества, столь далекое от канонического, церковного понимания.

¹⁹ Там же.

²⁰ Курсив Н. С. Лескова.

Смысл «рассказа кстати», — писал Лесков, — отметить «такие явления, по которым видно время и веяние жизненных направлений массы» (IX, 569). Без выполнения этого условия «а прогос» обратится «в карикатуру» (IX, 556).

Мы имели возможность убедиться в том, что в легенде о попики-запивашке, написанной по сюжетной канве «прилогов» о невинно оклеветанных иереях, это требование неукоснительно соблюдается. В первом рассказе Ивана Северьяныча отмечено существенное явление времени, которое характеризуется фарисейским благочестием неправедных «князей церкви», подобных Филарету Дроздову. Это было первое выступление Лескова, направленное против московского митрополита, совмещавшего в себе, по выражению Герцена, «белый клобук с жандармским аксельбантом».²¹

С другой стороны, в легенде о попики-пьянице выразилось народное понимание праведничества и милосердия, которое противопоставляется отвлеченной идее древнерусского первоисточника. Согласно этому пониманию, нравственным оправданием человеку служит не пассивная безгрешность, а стремление принести пользу слабым и страждущим людям, «что жизни борения не переносят». Это, по мысли Лескова, была одна из важных «истин, лежащих в природе духа и сердца» русского человека (X, 342).

«Жизненное направление массы» в лесковской легенде противопоставлялось не только идее первоисточника, но и представлениям митрополита Филарета. Это — факт тем более важный, что в своем знаменитом катехизисе, оправдывающем крепостное право и телесные наказания, «владыко» осуждает. . . «неправильную» народность в литературе. Об этом Лесков напишет спустя 10 лет после выхода в свет «Очарованного странника» в статье «Оживленная память», которая будет напечатана только после революции.²² Писатель дословно цитирует высказывания «мужа ума во всем свете именитого». «С некоторого времени, — пишет Филарет, — в области русского слова распространяется род безначалия, невнимания к принятым прежде правилам, — под видом народности и общепонятности развивается направление не к народности чистой, благородной, правильной, но к простонародности смешанной, низкой, неправильной».²³ Под народностью «правильной» следует, конечно, разумеать верность знаменитому уваровскому триединству: «православие, самодержавие, народность». Как бы в ответ на сетования митрополита-мракобеса в повести Лескова звучит утверждение народных представлений о нравственном подвиге человека как единственно правильных и разумных.

Так отвлеченный проложный сюжет наполняется конкретным злободневным содержанием. А «рассказ кстати» приобретает далеко не случайное значение в повести, которая посвящена осмыслению призвания русского человека из народной среды. История попики-запивашки непосредственно соотносится с судьбой главного героя «Очарованного странника». Иван Северьяныч, так же как и московский попик, подвергается «искушениям пьяного беса» и страдает тяжкими запоями. Но именно он, предчувствуя угрожающую Родине опасность, плачет и молится «за народ свой русский» (IV, 511—512). Подобно попику «дивной истории», он обращается с молитвой к богу, но его молитва — предстательство перед господом не за близких грешников, а за спасение Родины от «всякого

²¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти тт., т. XIV. М., 1958, с. 82.

²² Н. Лесков. Оживленная память. (Государственное учение Филарета, митрополита Московского). — Антирелигиозник, М., 1939, № 6.

²³ Там же, с. 35.

врага и супостата» (IV, 512). Так Лесков создает в повести образы предстоящих, канонизация которых не могла входить в планы святейшего Синода.

С другой стороны, место, которое занимает в сюжете повести «дивная история» (первый рассказ героя), имеет тонкую психологическую мотивировку в свете всего содержания «Очарованного странника». Рассказ о попике для Ивана Северьяныча — не книжная история, а случай, достоверность которого подтверждается всеобщей устной молитвой. «Помилуйте-с, — говорит он, — это не я один знаю, а все в московском округе про то знают» (IV, 387).

Уверенность в достоверности рассказа очень важна для лесковского героя. Вмешательство Ивана Северьяныча в общий разговор вызвано не его словоохотливостью, а причиной глубокой и принципиально важной для рассказчика. Он молчит до тех пор, пока речь не заходит о судьбе самоубийц. Для Ивана Северьяныча это не просто тема для разговора, а один из самых главных, жизненно важных вопросов. После трагической смерти цыганки Груши лесковский герой живет в постоянном беспокойстве: «Думаю только одно, что Грушина душа теперь погибшая и моя обязанность за нее отстрадать и ее из ада выручить» (IV, 498). Формально Груша — грешница из числа «руки на ся наложивших». Но те муки и страдания, которые привели ее к гибели, должны, с точки зрения Ивана Северьяныча, оправдать ее и снискать милосердие божие вопреки всем догматам официальной церкви. Мысль об этом не покидает героя с момента смерти Груши, поэтому для него так важен рассказ о человеке, который нашел свое призвание в молитве о спасении грешных душ. Уверенность в достоверности этого рассказа позволяет Ивану Северьянычу думать о том, что спасена и душа несчастной цыганки. Таким образом, разговор пассажиров коснулся темы, на которую не мог не откликнуться лесковский герой. Для самого Ивана Северьяныча первая история — едва ли не самая важная из всех, рассказанных им в этот день. В связи с этим становится понятным, почему легенда о попике и митрополите Филарете предшествует всем остальным рассказам героя.